

Они отправились в путь в июне, а добрались лишь к концу августа. Продолав долгий путь от изнуряющего зноя провинции Бинчжоу до предзимней прохлады Пограничного города, Ли Цинвэнь встретил свой день рождения в дороге.

То, что, преодолев тысячи ли и неисчислимые тяготы, их отряд не потерял ни единого человека, можно было назвать не иначе как великим чудом.

Оказавшись в стенах знакомой хижины, Ли Цинвэнь, не снимая исподнего, рухнул на кан. Веки его налились свинцом и наотрез отказывались открываться.

— Как вернуться... позовите... — пробормотал он, не успев закончить фразу, и тут же провалился в глубокий, беспробудный сон.

Даже Ли Цинфэн, чей запас сил казался неисчерпаемым, едва держался на ногах. Но и он, борясь с дремотой, успел строго-настрого наказать остальным: овец не трогать, они нужны для развода.

Ли Цинхун едва успел обменяться парой слов с Ци Минем и, то и дело зевая, повалился рядом с братьями. О братьях Лю и Ли Маоцюне и говорить не стоило: их храп стоял такой, что едва не приподнимал соломенную крышу.

На кане в ряд лежали расстеленные тюфяки. Го Даюн и его люди, пропитавшиеся дорожной пылью и потом до такой степени, что от них шёл тяжёлый дух, не стали занимать чужие места и устроились вповалку прямо на полу.

Ли Маосянь держался дольше всех. Ци Минь принёс ему горячей воды умыться и согреть натруженные ноги, уговаривая поскорее прилечь и отдохнуть — как раз к пробуждению подоспеет горячий обед.

Когда все гости наконец забылись сном, Ци Минь велел старине Сину развести огонь и поставить котел: что-то тушить, что-то варить. Сам же он со всех ног бросился вон, чтобы разнести благую весть остальным.

Старина Сунь и другие работники услышали его крики издали и радостно выбежали навстречу. Они уже было сорвались к конюшням, но запыхавшийся Ци Минь остановил их.

— Все спят без задних ног! — воскликнул он. — Если сейчас придете, ничего, кроме храпа, не услышите.

Люди покрепче перехватили серпы и засыпали его вопросами.

— Ну, кто приехал? В дороге всё ладно было?

— Раненых нет... — Ци Минь принялся помогать им косить траву. — У старшей невестки срок подошёл, так что брат Цинжуй остался дома, а Цинчжо уехал в столицу. Зато приехали третий и четвёртый братья, а с ними и сам отец семейства!

Старина Сунь и остальные так и замерли с открытыми ртами. Ну и порода у этих Ли! Каждый со стержнем. Мальчишкам под стать и отец: не побоялся на старости лет в такую даль податься!

Немного придя в себя, они узнали от Ци Миня, что с отрядом прибыли и дядя Маоцюнь, и родня, и односельчане — всего больше тридцати человек.

«Неужто наше захолустье и впрямь такое райское место?»

Старина Сунь лишь поскрёб затылок.

***

***

Сумерки едва опустились на землю, когда Ли Маоцюнь и Ли Маосянь проснулись. Ци Минь тут же подал к столу полные тазы тушёного заячьего мяса и оленины. Косуля разварилась до мягкости, а в огромных чашах высились горы гаолянового риса.

Отец поднял остальных. Хоть короткий сон и не прогнал усталость, голод взял своё. Увидев столько мяса, люди, едва успев протереть глаза, принялись за еду. Таявший на языке жир и наваристый сок казались им чем-то нереальным.

Ноги Ли Цинвэня были мягкими, точно варёная лапша, — он даже встать не мог. Сидя на кане, он сонно спросил, вернулся ли Цзян Цун.

Старина Син налил ему чашку тёплого рисового отвара.

— Ещё нет, — ответил старик. — Охота — дело небыстрое, дня три пропадать будут.

Юноша выпил отвар и снова повалился на подушку, мгновенно заснув.

— Эх, и досталось же им в пути, — сокрушённо покачал головой старина Син.

Остальные тоже держались на одном упрямстве — едва поев, они снова завалились спать.

На следующее утро Ли Маосянь проснулся первым. Увидев, что в комнате никого нет, он немного поговорил со стариком Сином и, узнав, что Ци Минь ушёл на покос, прихватил серп и отправился следом.

Младшие братья были ещё совсем юны, и стоило им добраться до цели, как всё напряжение, копившееся месяцами, разом исчезло. Первые пару дней они только и делали, что ели и спали. Ли Цинфэн «ожил» первым: вскоре он уже всюду бегал с Ци Минем и не возвращался домой до самых сумерек.

Однажды Ли Цинвэнь, пребывая в полудрёме, почувствовал, как кто-то бережно обтирает его тело влажной тканью. Когда рука коснулась мест, которые не принято открывать чужим взорам, он через силу приоткрыл глаза.

— Батюшка, я сам...

Внезапно раздался негромкий смех, до боли знакомый. Цинвэнь резко распахнул глаза и увидел Цзян Цуна. Тот сидел рядом с полотенцем в руках и открыто улыбался.

В неверном свете сосновой лучины лицо Цзян Цуна казалось ещё более суровым и красивым, а глаза сияли, точно далёкие звёзды.

«Неужели я сплю?»

Юноша пробормотал это, инстинктивно натягивая на себя одеяло.

Цзян Липин и остальные, стоявшие поодаль, так и прыснули со смеху.

— Совсем парень от усталости голову потерял! — захохотали они.

От этого громового хохота Цинвэнь окончательно пришёл в себя. Прежде чем он успел что-то сказать, Цзян Цун крепко обнял его вместе с одеялом.

Лишь теперь к младшему Ли вернулись силы. Под общий гомон и шутки он принялся торопливо одеваться прямо под одеялом. Друзья в шутку пытались стащить с него защиту, но Цзян Цун не давал его в обиду, так что Ли Цинвэнь благополучно облачился в чистое.

Охотники вернулись только что. Издалека завидев у дома новые телеги, они сразу догадались, что прибыли гости. Зайдя в хижину и увидев спящего Ли Цинвэня и множество новых лиц, Цзян Цун не смог сдержать чувств.

Они с Ли Маосянем не виделись несколько лет, и при встрече в сердцах обоих всколыхнулось немало воспоминаний.

— Дядюшка, мне невыразимо жаль, что вам пришлось рискнуть собой и проделать такой путь до самой границы... — голос Цзян Цуна был полон искреннего раскаяния.

Ли Маосянь лишь отмахнулся.

— Нечего нам в прятки играть. Я и так собирался везти их в Хунчжоу, чтобы повидаться, а сюда дорога ненамного длиннее. Сынок мой считает тебя родным братом, он всё твердит, что заработает здесь кучу денег и завалит нас мясом. Похоже, он решил осесть здесь надолго. Я приехал, чтобы увидеть тебя в добром здравии, и теперь моё сердце спокойно. Глядя на эти земли, я понимаю — здесь они делом заняты.

В этот раз охотники принесли богатую добычу. Все засуетились: кто-то разделывал туши, кто-то пересыпал мясо солью, а кто-то уже разводил огонь под котлом.

В трёх тесных хижинах стало совсем не продохнуть, и люди — а их теперь набралось больше шестидесяти — вышли на улицу. Скамеек на всех не хватало, поэтому большинство уселись прямо на траву. Разговоры не смолкали: прибывшие рассказывали о дорожных приключениях, а старожилы — о жизни на границе за последние месяцы.

Услышав, что на их полях уже скоро начнётся жатва, Ли Цинвэнь и Ли Маоцюнь подпрыгнули от радости и затребовали немедленно идти смотреть урожай. Но Цзян Цун удержал их.

— Почти всё готово, — сказал он. — Поедим и пойдём.

Из дома потянуло дразнящим ароматом жареного. Цинвэнь тут же стащил с телеги новенький железный котел.

— Вот увидите, в этом готовить куда сподручнее, чем в глине!

Как раз котлов и не хватало. Чугун дважды протёрли жирной шкурой, прокалили на огне и хорошенько смазали маслом, чтобы не брался ржавчиной. Глядя на то, как Ли Цинвэнь засучивает рукава, мужики одобрительно загудели.

— Ну, сегодня точно будет пир на весь мир!

Кто-то подтащил корзину, в которой зеленели лук и имбирь. Ли Цинвэнь принялся ловко чистить свежепойманную рыбу.

— Земли кругом видимо-невидимо, отчего же вы овощи в корзинах растите? — удивлённо спросил Ли Цинхун. — Столько мороки!

— Ох, и не спрашивай, — вздохнул старина Сунь. — Насекомым только дай волю — всё дочиста

сожрут. Как только потеплело, мы разбили грядку, но не успели всходы подняться, как твари под корень всё подточили. Только так и спасаемся.

Ли Цинхун, уже успевший на собственной шкуре познать нрав местных букашек, только сокрушённо цокнул языком.

Пока они говорили, Ли Цинвэнь уже замариновал рыбу. Из хижины поплыл густой дух тушёного дикого петуха, от которого у Го Даюна и его парней потекли слюнки.

Бедные овцы, измотанные переходом, даже не пытались убежать — они мирно лежали на земле, лениво жуя свежую траву. Ли Цинфэн заглянул в конюшню и обомлел: там в ряд стояли статные кони всех мастей. У него глаза разбежались. Особенно приглянулся ему вороной жеребец — с лоснящейся шкурой и длинными ногами.

«На таком лететь — одно загляденье!»

Ли Маоцюнь окликнул его на подмогу. Цинфэн нехотя оторвался от лошадей и помог дяде развесить на балках просоленную оленину. Туши весили немало, и поднять их под самую крышу было делом не из лёгких.

Лишь когда работа была закончена, парень заметил: весь сарай был утыкан балками, и с каждой свисали туши диких зверей. А рядом возвышались горы шкур в человеческий рост и мешки, доверху набитые перьями...

— Ну и ну... — пробормотал Ли Цинфэн, чувствуя, как кружится голова. — Опоздал я к самому интересному...

Мужчины на границе готовили просто и грубо — мало кто, подобно Цинвэню, возился с рыбой. Но когда уха была готова, аромат её сразил всех наповал. Вкус был настолько нежным и насыщенным, что одним только бульоном с рисом можно было объесться.

Помимо рыбы, в тот день зажарили больше двадцати зайцев и натушили фазанов. С тех пор как они распробовали вкус жареного в масле мяса, никто больше не хотел возвращаться к пресным вареным похлебкам. Рецепт был прост: побольше соли для маринада, растопленный жир и огонь. Теперь всё, что приносили с охоты, делили поровну — половину в котел, половину на сковороду.

Вкусно было непередаваемо, хотя от такой жирной пищи у многих начиналась изжога.

Зная любовь Ли Цинвэня к грибам, в котёл с курицей добавили добрую долю лесных даров — свежих, мясистых, пропитавшихся ароматным соком. Они были не хуже самого мяса.

При таком скоплении народа о чинных церемониях забыли. Еду подавали в огромных тазах.

Каждый сидел там, где нашёл место — кто на корточках, кто на траве, — уткнувшись в свою чашу.

Поскольку люди из деревни Тополиной были гостями почётными, рыбу поставили ближе к ним. Остальные не решались брать помногу — боялись костей, да и таз опустел бы в мгновение ока.

Ли Цинвэнь заранее отлил немного наваристой ухи для всех, и этот дивный вкус надолго запомнился каждому.

Братья Лю и Го Даюн ели так, что только икали от удовольствия. В этот миг все тяготы пути были забыты. Сердца их полнились восторгом: если в первый же день их так кормят, то дальше жизнь точно пойдёт на лад!

***

***

После шумного обеда все отправились на поля. Ли Маоцюнь от волнения едва не споткнулся, вызвав общий смех.

— Дядя Маоцюнь, вы пропустили и весеннюю пахоту, и летнюю прополку! — пошутил кто-то. — Неужто и на жатве решили отлежаться?

Тот лишь широко ухмыльнулся.

— Да хоть ноги переломаю, ползком приду хлеб убирать! Земля — это святое, она ждать не будет.

Шутки шутками, но когда вдаль показались стройные ряды гаоляна и сочная зелень сои, на всех напало благоговейное молчание. Для крестьянина нет зрелища прекраснее, чем тучный урожай.

Но стоило подойти ближе, как лица опытных землепашцев изменились. Гаолян и соя вымахали на диво высокими, колосья налились силой, но посажены они были до обидного редко. Между стеблями гаоляна было полшага, а между кустами сои и вовсе можно было ногу поставить!

— Это... это как же вы так сеяли? — в голосе Ли Маоцюня слышалась почти физическая боль за пустующую землю.

— Сеяли-то справно, — вздохнул старина Сунь. — Да только вредители подточили всходы. А потом времени не было пересевать, вот и вышло что вышло...

Сколько же зерна недобор будет! Го Даюн и остальные глядели на бескрайние, плодородные просторы, и сердца их обливались кровью.

Они шли вдоль полей, пока не наткнулись на вбитый колышек — здесь начинались наделы Ли Цинвэня.

Ни рвов, ни межей, ни косогоров. Перед ними раскинулись восемьдесят му идеально ровной земли. Половина была засеяна гаоляном, половина — соей. Стебли гаоляна были толстыми и крепкими, тяжёлые метелки горели ярким багрянцем, а стручки сои, густо облепившие кусты, были длиной в пол-ладони.

Многие из них десятилетиями растили эти культуры, но такой стати не видели никогда! Мужики обступили поле, бережно трогая колосья.

— И сколько же с одного му соберете?! — в волнении выкрикнул кто-то.

— Навскидку — четыреста, а то и пятьсот цзиней! — прикинул Ли Маосянь и не сдержался: — Земля здесь и впрямь золотая!

В их родной деревне лучшая земля давала от силы триста цзиней гаоляна. А здесь с каждого му можно было собрать на сто-двести цзиней больше. О таком они и мечтать не смели!

— Но почему у Сынка посевы такие густые? — изумился Ли Цинхун. — Неужто здесь насекомых не было?

Цзян Липин выпустил из рук тяжёлый колос.

— Да как же не было! Кое-где тоже всходы попортили. Но мы потом каждую ямку заново копали, каждое зёрнышко в землю клали — спины едва не лопнули. В те дни Цзян Цун прямо в поле и спал: проснётся — за работу, устанет — тут же на землю валится...

Ли Цинвэнь почувствовал, как сжалось сердце. Он потянул Цзян Цуна за руку и увидел, что мозоли на его ладонях стали ещё грубее.

— Пускай бы меньше выросло, — негромко сказал он. — Зачем же так надрываться?

Цзян Цун ласково коснулся его подбородка.

— Устал — это ничего, отдохну и пройдёт.

— Это только в нынешний год так, — твёрдо произнёс юноша. — Теперь я сам за полем

приглядывать буду.

— Вот и славно! — рассмеялся Цзян Липин. — Мы только рады будем, если ты здесь останешься.

Осмотрели и надел Ли Маоцюня — хоть и невелик, а урожай обещал быть знатным. Братья Лю и Го Даюн только вздыхали от зависти. Окажись такая земля у них в деревне, кто бы о голоде вспомнил?

Возвращались все в приподнятом настроении, походка стала лёгкой. Братья Лю окончательно утвердились в мысли: здесь стоит трудиться в полную силу.

Ли Маосянь почти всё время молчал, но тёплая улыбка не сходила с его лица. Побывав здесь, он наконец понял, почему его сыновья и Ли Маоцюнь так рвались обратно. Они были людьми земли, и эта дикая, бескрайняя равнина, уходящая за горизонт, покорила их навсегда. Ради возможности возделывать такую целину стоило рискнуть многим.

Хоть распаханые ими земли и казались огромными — сотни и тысячи му, — в сравнении с окружающим простором они были лишь крошечным островком, который легко терялся в высокой траве.

На обратном пути все пустили в ход серпы — сена здесь было в избытке, и за пару взмахов набиралась целая охапка. Отнести траву в конюшни и коровники — это стало их ежедневной заботой.

Но и по возвращении отдыхать было некогда. Людям Го Даюна нужно было жильё, а жатва была не за горами — требовалось место для хранения зерна и соломы. Поэтому, едва нарадовавшись урожаю, мужики принялись копать землю и месить глину, готовя саманы для новых домов.

Благо Цзян Липин с товарищами успели за лето заготовить лес, иначе сейчас пришлось бы совсем туго.

Глядя на созревшие хлеба, Го Даюн и его парни словно обрели второе дыхание. Сбросив рубахи, они работали до седьмого пота, и вскоре по их телам заструились соленые ручьи. Первым делом они соорудили навес, чтобы просушить сырые кирпичи, — не хватало только, чтобы внезапный ливень размыл все труды.

И будто по заказу, едва они успели наделать несколько сотен саманов, небо затянуло тучами. Старина Син, глядя на грозные чёрные вихри в вышине, закричал:

— Бросайте всё! Ливень будет знатный, под этим навесом не спасётесь!

Пришлось всем укрываться в доме. Людям Го Даюна снова пришлось стелиться на полу. Но когда за плечами нет опасной ночёвки в поле, даже на голых досках спится сладко — по крайней мере, мошкара не ест и сердце не замирает от каждого шороха. Главное было — не наступить в темноте на чью-нибудь руку или ногу.

Едва они вошли, как обрушился дождь. Крупные капли яростно барабанили по крыше, словно пытаясь пробить её насквозь. В хижине стало совсем темно, а после заката — хоть глаз выколи.

Ли Цинвэнь лежал на кане, чувствуя с одной стороны тепло Цзян Цуна, а с другой — присутствие отца.

— И всё-таки дом крепкий, — прошептал он. — В прошлом году на скорую руку латали, а до сих пор держится.

— Как бы не так, — отозвался из темноты Ма Юнцзян. — Когда снег сошёл, всё потекло, пришлось заново перекрывать. Послушай, Цинвэнь, а ты купил то, что обещал?

— Ах, чуть не забыл... — парень приподнялся на локте.

Цзян Цун зажжёт лучину. Ли Цинвэнь подтянул к себе ларец, запустил в него руку и после долгих поисков выудил глиняную баночку.

— Вот, держи.

Ма Юнцзян уже приготовился благодарить, но, взяв баночку, разочарованно протянул:

— Что ж она такая крохотная? Мне и на месяц не хватит.

— А ты знаешь, сколько эта штука стоит? — возразил юноша. — Тебе же только пятки зимой мазать, чтобы не трескались. К чему такая роскошь? Я тебе в уезде другую мазь купил — дешевле, а помогает не хуже.

В полумраке Ма Юнцзян позволил себе закатить глаза.

— Тебе-то почём знать, как это больно! Эх ты, жадина... Столько мехов и целебных трав продали, неужто на мазь не хватило?

— Не ворчи раньше времени. Попробуй сперва ту, что я привез. Если не поможет — тогда и ругайся, — уверенно отрезал Цинвэнь.

Его мать, госпожа Чэнь, смолоду мучилась трещинами на пятках и перепробовала немало

средств. Потом Ли Цинчжо нашел в городе одну недорогую, но чудодейственную мазь, и её тоже привезли с собой.

Тут и остальные зашумели:

— А нам что привёз? Небось не с пустыми руками явился?

Ли Цинвэнь, поудобнее устроившись на подушке, важно изрёк:

— Моё возвращение — само по себе величайший дар. Радуйтесь!

Хижину огласил дружный хохот. Смеялись так громко, что на миг даже шум дождя затих. Ли Цинхун, посмеиваясь, обратился к отцу:

— Батюшка, когда старшие братья рассказывали о выходках Сынка, я не очень-то верил. Думал, наговаривают на младшего. А теперь вижу — и пары дней не прошло, а я уже всему верю...

Ли Маосянь тоже довольно улыбался. За эти дни он понял: эти суровые люди искренне любят его сына, а Цзян Цун заботится о нём лучше родного брата. Неудивительно, что парень так рвался обратно.

Вытерев слёзы от смеха, Цзян Липин тяжело выдохнул.

— Эти речи ты побереги для Цзян Цуна, нас на жалость не возьмёшь! — крикнул он.

Ли Цинвэнь притворно вздохнул:

— Значит, вы ждали меня только ради подарков? Сердце моё разбито...

Но тут же сам рассмеялся и снова полез в ларец. Он вытащил целую гору матерчатых туфель. Пять пар были связаны одной бечёвкой, и таких связок набралось больше десяти.

— Перед отъездом я прикидывал размеры по вашим следам, но не знаю, угадал ли. Примерьте, если кому не подойдёт — поменяется.

Мужики мигом оживились. Туфли пошли по рукам, самые нетерпеливые уже натягивали обновки. Обувь на границе была на вес золота: ходили много, подошвы горели, туфли постоянно рвались и латались. Те, что Ли Цинвэнь оставлял в прошлый раз, давно износились, так что подарок пришёлся как нельзя кстати. Чтобы сшить столько пар, госпоже Чэнь и госпоже Цзян пришлось просить помощи у всех соседок.

Когда с обувью было покончено, парень выудил следующий свёрток.

— Кому мыло?

— Мне! — в темноте потянулось сразу несколько рук.

Тут же разделили и связку бамбуковых палочек для чистки зубов вместе с увесистым мешочком зубного порошка. Следом из бездонного ларца посыпались ложки, палочки для еды и прочая мелочь.

Старине Сину достались новые туфли и целый кулёк ферментированных бобов — их терпкий вкус отдавал добрым вином, и старик был на седьмом небе от счастья.

Казалось, вещей было много, но всё уместилось в один короб — ведь телеги были доверху забиты семенами. Цзян Цуну достался новый лук со стрелами и маленькое костяное кольцо для стрельбы. Он с нежной улыбкой принял подарок, коснувшись ладонью лица Ли Цинвэня.

Вещи эти стоили сущие гроши, но для Цзян Липина и остальных они были дороже золота. Глядя на эти простые предметы, они чувствовали, что даже здесь, на краю света, тонкая нить по-прежнему связывает их с родным домом.

За разговорами не заметили, как наступила глубокая ночь.

— Пора спать, — сказал кто-то. — Завтра работы непочатый край. Надо успеть поставить стены, пока земля не схватилась морозом. Начнётся жатва — и о стройке до весны можно забыть.

Все притихли. Цзян Цун ласково погладил Ли Цинвэня по голове.

— Тебе тяжёлая работа ни к чему. Ступай завтра за грибами.

Младший Ли решил, что Цзян Цун просто хочет дать ему отдохнуть. Но на следующий день, когда он случайно раздавил ногой в траве целое гнездо мясистых грибов, он понял: лёгкой прогулки не будет.

После дождя белые шляпки грибов полезли из земли повсюду. Стоило найти один грибной круг, и корзины наполнялись сами собой — даже вставать не нужно было, только ползай на корточках да собирай.

Мясистые, крепкие грибы один за другим летели в мешки. Ли Цинхун не переставал удивляться.

— Сколько же добра! — восхищался он. — Если бы всё это собрать да до города довести — озолотиться можно!

Сушёные лесные дары ценились высоко, но отсюда, из такой глуши, вывезти их было почти невозможно. Ли Цинвэнь тоже вздыхал, но рук не покладал. Не успел он оглянуться, как четвёртый брат уже тащил на плечах первый туго набитый мешок.

Сырые грибы — ноша не из лёгких, но Ли Цинфэн шёл ходко. Он чувствовал, что пропустил целый год жизни здесь, и теперь стремился наверстать упущенное с удвоенной силой.

Братья Лю в это время копали ров под фундамент. Глядя, как Ли один за другим уносят полные мешки, они едва сдерживались, чтобы не бросить лопаты. Но наказ Ли Цинму — слушать Ли во всём — заставлял их смиренно трудиться дальше. Раз сказали, что дом важнее — значит, будет дом.

Вместе с юношами грибы собирали и женщины семьи Сунь. Несколькими днями ранее они принесли корзину лесных плодов — Цинвэню они так понравились, что он припрятал косточки, чтобы посадить их в следующем году.

Весь день небо было хмурым, и всё это время люди пропадали на полянах. Далеко от конюшен уходить не приходилось — грибов хватало и под боком, но к вечеру все буквально валились с ног.

Старина Син в лес не ходил. Он устроился на шкурах и принялся нанизывать грибы на нитки для сушки. Старик работал споро: зорко следил, чтобы в связку не попала поганка или червивый гриб. Сбор шёл так быстро, что Син не справлялся в одиночку и позвал на помощь ещё пару человек, но даже вчетвером они не закончили работу до самой темноты.

Ли Цинвэнь отрешённо смотрел, как мелькают руки старика, и думал об одном: оказывается, даже от сбора грибов можно устать до полусмерти.

<http://bllate.org/book/15828/1442134>